

Глава 1

Наш Дракон девушек не ест, каких бы уж там небылиц ни наплели за пределами нашей долины. Нам их заезжие путники иногда пересказывают. Их послушать — так у нас тут человеческие жертвоприношения в ходу, как будто он и впрямь самый настоящий дракон. Конечно, это все неправда; может, он и колдун, может, и бессмертный, но все равно человек, и наши отцы собрались бы все вместе да убили бы его, если бы он съедал по одной из нас каждые десять лет. Он защищает нас от Чащи, и мы ему признательны — но не настолько же.

Нет, на самом-то деле Дракон их не сжирает, так только кажется. Он забирает девушку в свою башню, а десять лет спустя отпускает на свободу, но только к тому времени она уже не она. Слишком роскошно одета; и разговор ведет прямо как при-

дворная дама; и прожила наедине с мужчиной десять лет, так что, понятное дело, обеспечена. Хотя все девушки хором твердят, будто он их и пальцем не тронул. Ну да что еще им остается говорить-то? И это еще не самое худшее — в конце концов, Дракон на прощание дарит им в приданое набитый серебром кошелек, так что на такой всяк с радостью женится, невзирая на бесчестье.

Вот только замуж они идти не хотят. И вообще не хотят здесь оставаться.

— Они забывают, как тут жить, — неожиданно сказал мне однажды отец.

Я ехала рядом с ним на козлах опустевшей телеги. Доставив недельный запас дров, мы возвращались домой. Жили мы в Двернике: не самой большой деревне долины, но и не самой маленькой, и стояла она в семи милях от Чащи — не то чтобы совсем близко. Однако дорога наша пролегла через высокий холм, с вершины которого в ясный день хорошо просматривалась река по всей длине — вплоть до бледно-серой полосы выжженной земли у опушки и сплошной темной стены деревьев за нею. Драконова башня находилась далеко отсюда, совсем в другой стороне: словно белый брусочек мела, застрявший в основании западных гор.

Я тогда совсем мелкой была — не старше лет пяти. Но я уже понимала, что про Дракона у нас говорить не принято, равно как и про девушек, которых он забирает: вот поэтому мне и запал в душу тот один-единственный раз, когда отец нарушил это правило.

— Зато они помнят, что надо бояться, — добавил отец. Вот и все. Он прищелкнул языком, подгоняя

лошадей, и они рванулись вперед, вниз по холму, назад к деревьям.

Мне это показалось сущей бессмыслицей. Да, мы все боялись Чащи. Но долина была нам домом. Как можно бросить дом? И все-таки девушки в родных краях не задерживались. Дракон выпускал их из башни, они ненадолго возвращались к семьям — на неделю, иногда на месяц, не дольше. А затем забирали полученное в приданое серебро и уезжали. В большинстве своем они отправлялись в Кралию и поступали в университет. Нередко выходили за какого-нибудь горожанина или становились учеными книжницами, а не то так лавочницами; хотя вот люди перешептывались про Ядвигу Бах, которую Дракон забрал шестьдесят лет назад — так вот она стала куртизанкой и полюбовницей какого-то барона и какого-то герцога. Но к тому времени, как родилась я, она была уже просто богатой старухой, слала роскошные подарки всем своим внучатым племянницам и племянникам, но в гости никогда не наезжала.

Так что оно, конечно, совсем не то же самое, что отдать родную дочь на съедение, но и радости в том тоже мало. В долине деревень не так уж много, чтобы риск оказался невелик, — ведь Дракон всегда забирает семнадцатилетнюю девушку, рожденную между двумя октяблями. В мой год таких девушек было одиннадцать, то есть шанс на выигрыш еще ниже, чем при игре в кости. Все говорят, что Драконорожденную девушку любят не так, как остальных детей; ты просто ничего не можешь с собой поделаться, зная, что того гляди ее потеряешь. Но со мной и с моими родителями было иначе. Ведь

к тому времени, как я повзрослела достаточно, чтобы понять — забрать могут меня, мы все уже знали, что Дракон заберет Касю.

Одни только заезжие путешественники, не знающие наших дел, нахваливали девочку Касиным родителям и твердили им, какая красавица у них дочка, какая умница, какая милочка. Дракон не обязательно забирал самую хорошенькую, но всегда — особенную, не похожую на других: если какая-то из девушек далеко затмевала сверстниц красотой или умом, или танцевала лучше всех, или обладала необычайно добрым сердцем, отчего-то Дракон всегда отдавал предпочтение ей, притом, что не обменивался с девушками и двумя словами, прежде чем сделать выбор.

А в Касе было все это сразу. Густые пшенично-золотые волосы — она заплетала их в косу до пояса, — и теплые карие глаза, и смех словно песня, которая так и рвется с уст. Кася выдумывала самые лучшие игры, сочиняла истории и новые танцы прямо из головы; стряпала так, что впору хоть для пира, а когда пряла шерсть отцовских овец, нить сходила с колеса гладкая, без единого узелка или зацепки.

Да, знаю, меня послушать — так речь идет о сказочной героине. Такой я ее и воспринимала. Когда мама рассказывала мне сказки про принцессу за прялкой, или храбрую гусятницу, или речную русалку, я про себя представляла их всех немножко похожими на Касю. А поскольку я была еще слишком мала, чтобы заглядывать вперед, я любила ее не меньше, а сильнее оттого, что знала: скоро ее у меня отберут.

Кася уверяла, что она вовсе даже не против. Она выросла бесстрашной: ее мать Венса об этом позаботилась. «Ей нельзя не быть храброй», — так она при мне однажды сказала моей матери, подзуживая Касю влезть на дерево: девочка все не решалась, а моя мама обнимала ее со слезами на глазах.

Мы жили всего-то в трех домах друг от друга, родных сестер у меня не было, только трое братьев, и все много старше меня. Я любила Касю больше всех на свете. С колыбели мы играли вместе, сперва на кухнях наших матерей, стараясь не мешаться под ногами, потом на улице перед домом, а потом доросли до того, что нас отпускали порезвиться в лесу, на воле. В дом меня совершенно не тянуло: зачем сидеть в четырех стенах, если можно бегать рука об руку под зеленой сенью! Я воображала, будто деревья тянут к нам руки-ветви, чтобы защитить нас и спрятать. Я думала, когда Дракон забереет ее, я просто не выдержу.

За меня бы родители не слишком боялись, даже если бы не Кася. В свои семнадцать я была большеногоая, тощая, кожа до кости — сущий жеребенок, — грязно-русые волосы вечно спутаны, а мой единственный талант (если, конечно, здесь уместно это слово) состоял в том, что все, на меня надетое, я умудрялась изорвать, запачкать или потерять еще до исхода дня. К тому времени, как мне стукнуло двенадцать, мама отчаялась меня перевоспитать: мне разрешалось бегать в обносках старших братьев круглый год, кроме разве праздников; в такие дни мне полагалось переодеться в нарядное — не раньше чем за двадцать минут до выхода из дома — и потом сидеть и ждать на

скамейке у двери, пока все не пойдут в церковь. И даже тогда мне не часто удавалось дойти до общинной лужайки, не зацепившись за ветку или не забрызгавшись грязью.

«Придется тебе идти замуж за портного, малютка Агнешка», — смеясь, говаривал отец, когда возвращался из леса ввечеру, а я бежала ему навстречу, чумазая, простоволосая, и одежка хоть где-нибудь, да разодрана. Но отец все равно подхватывал меня на руки и целовал, а мать лишь вздыхала, и то самую малость: какие родители станут огорчаться всерьез, если Драконорожденная и обладает недостатком-другим?

Наше последнее с Касей лето выдалось долгим, теплым и слезным. Кася не плакала, а вот я — да. Мы допоздна бродили в лесах, растягивая каждый золотой день сколь можно дольше, а потом я возвращалась домой, голодная и усталая, и сразу ложилась, не зажигая свечи. Приходила мама, гладила меня по голове, напевая тихонько, пока я не засну в слезах, и оставляла у моей постели тарелку с ужином — ведь от голода я, случалось, пробуждалась посреди ночи. Утешать меня еще как-то мама не пыталась — да и что она могла? Мы обе знали: как бы сильно она ни любила Касю и Касину мать Венсу, все равно у нее в душе теплится искорка радости — заберут не *мою* дочь, не *мою* единственную! И на самом-то деле мне, конечно же, и не хотелось, чтобы мама думала иначе.

Все лето мы почти не разлучались — я и Кася. Да мы и прежде были неразлейвода. Совсем маленькими мы резвились с оравой деревенских детишек, но

когда чуть подросли и Касина красота расцвела, ее мать сказала: «Держалась бы ты подальше от парней, так оно лучше и для тебя, и для них». А я льнула к Касе, и моя мама слишком любила ее и Венсу, чтобы пытаться разлучить меня с ними, хотя и знала, что в конце концов мне будет больно не в пример сильней.

В самый последний день я отыскала для нас полянку в лесу, где деревья еще не сбросили листья, золотые и огненно-алые, и шелестели ими повсюду вокруг нас, а землю усыпали спелые каштаны. Мы развели костерок из прутиков и сухих листьев и зажарили горсточку каштанов. Завтра первое октября. Завтра будет устроен великий пир, дабы почтить нашего заступника и повелителя. Завтра придет Дракон.

— А славно было бы стать трубадуром, — промолвила Кася, лежа на спине с закрытыми глазами. Она мурлыкала что-то себе под нос: на праздник загодя прибыл странствующий певец и нынче утром репетировал свои песни на общинной лужайке. Всю неделю в Дверник прибывали телеги с данью. — Разъезжать по всей Польнии и петь перед самим королем!

Кася произнесла это задумчиво, но не так, как ребенок, витающий в облаках; она сказала это, как будто и впрямь собралась покинуть долину и уехать навсегда. Я сжала ее руку.

— И ты каждый раз приезжала бы домой на Зимний солнцеворот, — подхватила я, — и пела бы нам все песни, какие выучишь.

Мы крепко-накрепко сцепили пальцы, и я запретила себе вспоминать о том, что девушки, кото-

рых забирал Дракон, возвращаться в родные края уже не хотели.

Конечно, в тот момент я его люто ненавидела — и только. Но правителем он был не из худших. По ту сторону северных гор барон Желтых Топей держал войско в пять тысяч человек — сражаться в Польнийских войнах, владел замком с четырьмя башнями, жена его носила кроваво-алые драгоценности и плащ из белых песцовых шкур — и это во владениях не богаче нашей долины. Один день в неделю подданные барона были обязаны отрабатывать повинность на его полях (понятное дело, ему принадлежали самые плодородные наделы), а их справных сыновей барон забирал в войско, и столько солдат слонялись без дела, что девушкам приходилось сидеть дома, и по возможности не в одиночестве, как только они входили в возраст. И даже этот был правителем не самым плохим.

А у Дракона башня была только одна, и ни одного дружинника или хотя бы слуги, за исключением той единственной девушки, которую он забирал. Да он в войске и не нуждался: его служба королю заключалась в его неусыпных трудах, в его магии. Изредка он являлся-таки ко двору и возобновлял вассальную присягу, и, наверное, король при желании мог призвать его и на войну, но по большей части обязанности Дракона сводились к тому, чтобы оставаться здесь, приглядывать за Чащей и защищать королевство от ее тлетворного зла.

Его единственной прихотью были книги. Мы все читали немало, для поселян-то, потому что Дракон платил золотом даже за один-единственный увесистый фолиант, так что книгоноши к нам

наведывались издалека, хоть наша долина и находилась на самой окраине Польнии. А раз уж им все равно тащиться в такую даль, так они заодно набивали переметные сумы своих мулов потрепанными книжками подешевле и продавали их нам за наши пенни. Лишь в самых нищих лачугах на полках не красовались гордо хотя бы две-три книги.

Тому, кто не жил рядом с Чащей и ничего в наших делах не понимал, все это показалось бы сущими пустяками — дескать, не причина оно, чтобы отдавать дочь. А вот мне довелось пережить Зеленое Лето, когда знойный ветер нес из Чащи пыльцу далеко на запад — в долину, на наши поля и сады. Все созревало на глазах, буйно и пышно, но овощи и плоды уродились до странности обезображенными. Те, кого угораздило их отведать, впадали в ярость, бросались на родных с кулаками и в конце концов убегали в Чащу и исчезали навеки, если их перед этим надежно не связали.

Мне в ту пору было только шесть. Родители пытались оградить и защитить меня, но я живо помню леденящий, липкий ужас повсюду: все изнывали от страха, и у всех подвело животы. Мы к тому времени подъели все свои прошлогодние запасы и очень рассчитывали на весну. Один из наших соседей, обезумев от голода, съел зеленых бобов. Помню, как той ночью из его дома донеслись крики, я выглянула из окна и увидела, что отец бежит на помощь, прихватив с собой вилы.

Тем летом я однажды ускользнула из-под надзора моей усталой, исхудавшей матери и побежала в лес — я ведь была слишком мала и опасности толком не понимала. В укромном, закрытом от ветров

уголке я отыскала полуживую ежевику. Я раздвинула неподатливые засохшие ветви, добралась до защищенной сердцевины и откопала дивную гроздь ягод — вовсе даже не уродливых, а здоровых, сочных, чудо да и только! Каждая ягодка отзывалась у меня во рту взрывом ликующей радости. Я съела две горсти, а остальное собрала в подол и поспешила домой: сок расплзлся по юбке фиолетовыми пятнами. Мама же расплакалась от ужаса при виде моей чумазой мордашки. Я не захворала: ежевика каким-то образом избегла проклятия Чащи, ягоды и впрямь оказались съедобными. Но слезы матери здорово меня напугали; с тех пор я еще много лет не брала в рот ежевики.

Дракона в тот год вызвали ко двору. Вернулся он рано, и поехал напрямик в поля, и призвал магический огонь, и выжег весь зараженный урожай, все отравленные посева. В том состояла его обязанность; но потом он побывал в каждом доме, где кто-нибудь занедужил, и дал больным отвещать волшебного снадобья, и разум их прояснился. А еще Дракон распорядился, чтобы деревни дальше к западу, которых пагуба не затронула, поделились с нами урожаем, и даже отказался в тот год от причитающейся ему дани — просто чтобы никто из нас не умер от голода. Следующей весной, перед самой посевной, Дракон снова прошел по полям и дожег несколько уцелевших уродцев, прежде чем они успели разрастись заново.

Да, он нас спас, но мы все равно не питали к нему любви. Он ни разу не покинул своей башни, чтобы проставить работягам выпивку в страдающую пору, как это делал барон Желтых Топей, он

не закупался на ярмарке мелкими пустячками, как супруга барона и ее дочери. Случалось, что странствующие актеры давали представления или через горные перевалы из самой России наезжали певцы. Но Дракон никогда не навещивался их послушать. Когда телеги привозили причитающуюся ему дань, двери башни распахивались сами собою, и селяне складывали привезенное в погреба, так и не увидевшись с хозяином. Дракон от силы парой слов перемолвился со старицей нашей деревни, да что там — даже с мэром Ольшанки, самого крупного города в долине поблизости от его башни. Он не пытался завоевать нашу любовь, и никто не водил с ним знакомства.

А еще, понятное дело, он занимался черным чародейством. Ясными ночами вокруг его башни вспыхивали молнии — даже зимой. Бледные жгуты тумана тянулись из его окон и плыли ночами вдоль дорог и вниз по реке до самой Чащи — то были его верные стражи. А иногда, если Чаще случалось поймать кого-нибудь — девочку-пастушку, которая по неосторожности подошла слишком близко к опушке, догоняя стадо; охотника, который напился не из того ручья; злополучного путника, который прошел через горный перевал, напевая обрывок мелодии, что запускает когти в сознание, — что ж, Дракон покидал башню и ради них тоже, — но те, кого он забирал, не возвращались уже никогда.

Нет, злым он не был — он был чужим, далеким и грозным. И он собирался забрать Касю, поэтому я ненавидела его всем сердцем, ненавидела вот уже многие годы.